

УДК 323(46)+327(4)

Роль Европы в переходе к демократии в Испании: какое влияние оказали на процесс Франция, Федеративная Республика Германия и Великобритания (1974–1978)? Часть 1

Альберто Сабио Алькутен

Университет Сарагосы, Испания

Аннотация. Рассматривается переход к демократии в Испании в международном масштабе. Были ли крупнейшие европейские державы – Франция, Федеративная Республика Германия и Великобритания – простыми очевидцами событий в Испании или же принимали активное участие, и если да, то каким образом? Сейчас, изучив архивы различных государств, можно увидеть, что правительства и политические партии этих стран были глубже вовлечены в данный процесс, чем считалось ранее. Португальская революция в апреле 1974 г. послужила тревожным сигналом, и министерства иностранных дел западных государств старались предотвратить возникновение подобной ситуации в Испании. Они сделали выбор в пользу монархического строя и «контролируемого» процесса перехода к демократии, используя столь желанный для Испании вход в Европейское сообщество как средство оказания давления. В испанском обществе выявилась необходимость чувствовать себя «европейцами» и «стандартизованными», особенно в прогрессивных кругах, хотя и не только там. За пределами Европы вести коммерческую деятельность было намного сложнее, в чем начали отдавать себе отчет самые продвинутые секторы испанской экономики.

Ключевые слова: переход к демократии, Испания, международная политика, Франция, Великобритания, Федеративная Республика Германия.

Введение

Общепринятый тезис в традиционной историографии относительно процесса перехода к демократии в Испании заключается в том, что международный контекст и конкретно роль западноевропейских демократических государств были благоприятными, но в итоге их влияние было не слишком значительным. Считается, что исключительно внутренние факторы, такие как роль дальновидной «верхушки» во главе с самим королем Хуаном Карлосом I, или предпосылки, существующие в испанском государстве и гражданском обществе, в особенности объединение восприимчивого и обширного среднего класса, стали достаточно четкими аргументами для понимания последовательности перемен и перехода от диктатуры к демократии. Итак, уместен вопрос, было ли возможным, с учетом характеристик испанского общества той эпохи и экономических интересов некоторых государств на

территории Испании, чтобы иностранные действующие лица не вмешались в испанский переход¹. Особенно после того, как опыт Португалии, близкий по времени и пространству, т. е. так называемая Революция гвоздик, обязал США, НАТО и само Европейское сообщество предпринять меры по оказанию влияния и контролю над процессом [50].

События, произошедшие в Центральной и Восточной Европе с 1989 г., ослабили существующую ранее доминирующую перспективу и вынудили испанских историков по-другому оценивать внешний фактор в переходных процессах. В свете случившегося в государствах «четвертой волны демократизации» (Восточная Европа, государства-сателлиты бывшего Советского Союза) нужно было пересмотреть и события так называемой третьей волны Южной Европы, куда, помимо Португалии и Греции, входил и испанский переход [23; 24; 47]. Весомость международного фактора очень бы менялась в зависимости от геостратегического положения конкретного государства, но если оно находилось в Европе, сомнений в высокой степени влияния не оставалось. Кроме того, энергетический кризис 1973 и 1979 гг. с ростом цен на нефть в стране, столь зависимой от импортного сырья, как Испания, также в значительной мере обусловил внешнее влияние на конец диктаторского режима и начало перехода к демократии.

Материалы того времени, освещающие франкизм уже не при генерале Франко, а при председателе правительства Ариасе Наварро, подчеркивают давление европейских демократических государств. Так, в докладе Министерства внутренних дел Испании от марта 1976 г., спустя едва ли четыре месяца со смерти Франко, указывается, что социальный протест на улицах Испании «подогревается различными выступлениями представителей либерал- и социал-демократии девяти стран – участников ЕС. Они не отступят, пока Испания не примет предпочтительный для них политический режим и не отдаст себя в руки незаконной партократии и всяческих беспорядков вседозволяющего общества»². Напомним, что в октябре 1975 г. Европейское экономическое сообщество прекратило свои переговоры с Испанией.

Международная изоляция режима Франко объяснялась на протяжении многих лет и в примитивной форме внешним влиянием масонства, которое, по мнению диктатора, решительно установилось в правительствах многих европейских государств. Даже в своих предсмертных хрипах франкистский режим, как мы видим, продолжал презрительно реагировать на «заграницу, которая возводит на нас клевету», по словам самого Каудильо (Франко). Эти кампании европейской прессы и некоторых министерств иностранных дел добивались только того, что совращали, по мнению франкистской публицистики, «бедных духом и богобоязненных людей или же отбросов старой политики и безусых юнцов, ослепленных красными кампаниями», как описывалось в полицейских докладах. Но, как мы попытаемся продемонстрировать на следующих страницах, это не было так с того момента, как Испания

¹ Для более глубокого исследования темы см. [30; 32; 38; 44; 46; 60].

² Центральный архив полиции, Канильяс, Главное управление безопасности, Полицейский отчет относительно 1–15 марта 1976, с. 1.

начала преодолевать осуждение и угрозу стать незаметной для внешнего мира. Констатируя важность давления извне, направленное на то, чтобы франкизм после смерти Франко попытался сперва облачиться в демократические одежды, а впоследствии не смог оставить себе другого выхода, как уступить процессу перехода к демократии, данная статья нацелена на то, чтобы проанализировать, как отразилось на переходе участие европейских государств и какие были созданы условия для подъема демократии в Испании; какой вклад внесли иностранные государства в достижение финального результата. И мы делаем это, исходя из гипотезы о том, что внешняя политика Франции, Германии или Британии в те годы была государственной политикой, явно устойчивой к демократическому контролю, что могло бы объяснить раздвоенность и грубые контрасты между официальными дипломатическими позициями и желанием обширных секторов соответствующих общественных мнений.

Какие цели ставили себе в своем надзоре и покровительстве Франция, Великобритания и Федеративная Республика Германия? Чего они хотели, как пытались достичь этого, какими средствами и с какими ключевыми действующими лицами? Конечно, причины участия различных фигур были разными – от чувства вины за то, что испанцев фактически бросили по окончании Второй мировой войны, позволив сохраниться диктатуре Франко, до желания курировать переход и твердого намерения занять важное место в отношениях с новым государством. Не обошлось также и без тех, кто пытался наладить сотрудничество с испанскими предприятиями и властями в поиске прежде всего экономической выгоды, или тех, кто хотел избежать «разлива» левых и бился за то, чтобы затормозить продвижение коммунизма и препятствовать разлому демократии в контексте холодной войны и максимального напряжения между сверхдержавами. Причин было множество, как мы попытаемся показать в данной статье, охватывающей такие граничащие области, как история международных отношений и, конечно, история настоящего времени. Дадим же слово различным правительствам и их представителям в Испании, нередко использующим стереотипы и клише об «испанском» в своих дипломатических отношениях.

От покровительства до подводных камней:

Франция при Жискаре д'Эстене

За три года до смерти Франко в 1975 г. посол Франции в Испании Робер Жилле в своих периодических отчетах поддерживал гипотезу о том, что тогда еще принц Хуан Карлос поведет себя так, как и другие европейские монархи, т. е. оставит за собой представительскую функцию и передаст власть в руки председателя правительства. В таком случае ключевой момент состоял бы в том, чтобы ввести в тройку кандидатов на главу правительства, представленных королем для назначения, фигуры, пригодные для осуществления открытого перехода. Жорж Помпиду, верный преемник генерала Шарля де Голля, установивший основы Пятой республики, скончался в 1974 г. С уходом Помпиду закончилась целая эпоха. На президентских выборах 1974 г. победил Валери Жискар д'Эстен, лидер Национальной феде-

рации независимых республиканцев, которая являлась в большей степени неоднородным объединением правоцентристов, чем настоящей политической партии.

В отношениях с Испанией внешнеполитический метод работы Жискара характеризовался, в основном, его сугубо личными решениями, мало или вовсе не обсуждаемыми с правительственным аппаратом. «Я настоящий министр иностранных дел», – заявил он в начале Семилетки высокопоставленному чиновнику министерства [6, с. 1, 25]. Этот прямой контроль президента над внешней политикой был не чем иным, как одним из признаков власти, возложенной на фигуру президента Конституцией Пятой республики, главной особенностью которой, согласно Алену Дюхамель, являлась «гипертрофия исполнительной власти (в первую очередь президентской)» [12, с. 13]. Политика Франции в отношении Испании, следовательно, была отмечена персоналистской печатью, которую президент Жискара поставил на свою внешнюю политику. Внимание к Испании усилилось с болезнью генерала Франко, через которую усматривалась неизбежность политического перехода. В контроле за этим переходом Франция была очень заинтересована. Речь шла о том, чтобы избежать резких перемен, которые привели бы к ситуации «по-португальски» – перспектива, которая не отвечала бы ни интересам Франции (и приводящая в ужас консервативное общественное мнение), ни заветной политической конвергенции между Францией и Испанией [11, с. 368].

Первое важное сближение между Францией и Испанией произошло 22 февраля 1975 г., когда президент Франции принял в замке Шамбор наследника испанского престола. Во время беседы Жискара выразил «желание видеть с каждым разом все большее участие Испании в жизни той Европы, которую мы пытаемся построить». Вот что об этой встрече рассказывает Бернар Дестрэмо – бывший вице-президент Комиссии по иностранным делам, секретарь правительства в период, когда Сованьярга занимал пост министра иностранных дел, полномочный представитель и посол и по этой причине хороший знаток тайн набережной Орсе: «[Жискара] впечатлен ясностью мышления и уверенностью суждения принца, и решает помочь ему» [11, с. 368]. Президент Франции, должно быть, почувствовал, что нельзя было терять время в укреплении позиций.

По мнению Жана-Франсуа Денё, полномочного посла в Испании с января 1976 по ноябрь 1977 г., Хуан Карлос уже на тех ранних порах знает, чего хочет: «Он, вне всякого сомнения, хочет демократии, как и его отец, и хочет Европу, хочет Испанию с ролью в Европе, полную противоположность Испании единой, большой, свободной... другой» [53]³. Здесь Дестрэмо и Денё воспроизводили официальную речь высших правительственных инстанций Франции, которая контрастировала с мнением большей части французского общества и прессы. Последняя не верила в намерение и способность Хуана Карлоса осуществить демократическую трансформацию в

³ Интервью, взятое профессором Мерседес Юста у Жана-Франсуа Денё 12 апр. 2005.

Испании. В частности, левая пресса жаждала разрыва с прошлым спустя четыре десятилетия диктатуры или, по меньшей мере, чтобы король продемонстрировал свое решительное и твердое намерение совершить переход. Консерваторские издательства, такие как *LeFigaro* или *L'Aurore* [7, с. 206], считали достаточным избежать любого «заражения» и подражания под революцию вроде португальской и ждать, что же могло случиться.

Другая цель Жискара состояла в том, чтобы структурировать сильное в Испании правоцентристское движение, которое, предположительно, гарантировало бы безболезненный переход страны к демократии в рамках монархии, всегда считавшейся фактором стабильности. Однако, когда было объявлено, что Жискара будет присутствовать на коронации Хуана Карлоса, левые Франции обрушились с критикой, а газета *Le Monde* назвала это «ставкой Елисейского дворца». Франко скончался совсем недавно, и заявление Жискара о его поездке в Мадрид тут же спровоцировало негативную реакцию левой газеты *Libération*, жалеющей о том, что президент «опекает» Хуана Карлоса. М. Ролан Лерой, член секретариата Французской коммунистической партии, назвал это «оскорблением испанского народа», а Французская социалистическая партия высказала свое неодобрение более умеренно, но отчетливо и прямо голосом самого Франсуа Миттерана. На самом же деле Жискара лишь позавтракал наедине с Хуаном Карлосом, без свидетелей, один на один, утром перед коронацией 22 ноября 1975 г. Он был одним из немногих глав государств, приехавших в Мадрид на коронацию, несмотря на обвинения левых сил Франции в чрезмерной симпатии к монархии.

В целом европейская стратегия, продуманная Жискаром, ставила Францию во главе альянса стран Средиземного моря в лоне Европейского сообщества – видение, которое в итоге уступило место укреплению франко-немецкой оси. Но на тот момент Жискара заявил в Мадриде следующее: «Испания является частью Европы, я бы даже сказал, что Испания по своей истории и цивилизации является одной из основательниц Европы, и поэтому мы хотим, чтобы она смогла участвовать в большом событии нашего времени, коим является политическое объединение Европы»⁴. Эти заявления были в большей степени риторическими и впоследствии шли вразрез как с препятствиями, которые Франция при Жискаре ставила вступлению Испании в Европейское экономическое сообщество, так и с недостаточной поддержкой, полученной в борьбе с террористической организацией ЭТА.

Спустя всего несколько недель после того, как Хуан Карлос I был провозглашен королем Испании, в телеграмме, датированной январем 1976 г., французский посол Жилле выражал свою обеспокоенность испанской ситуацией, если требовалось слишком много времени для претворения реформ в жизнь, и отмечал возможную опасность радикализации общественного мнения, которая только навредила бы монархии: «Я бы сказал, что в стране, где большинство населения не является ни республиканцами, ни приверженцами монархии, слишком долгий срок проведения необходимых реформ

⁴ Газета *LeMonde*. 1975. 29 нояб.

несет в себе риск отождествить, как в 1931 г., монархию с диктатурой, а республику со свободой»⁵. Это послание было одним из последних в карьере Жилле как посла. На его место в посольстве Франции в Мадриде, как мы уже упомянули, пришел Жан-Франсуа Деньё, назначенный вопреки решению, принятому еще при жизни Франко, который выразил свое согласие на назначение Жан-Клода Винклера, бывшего французского посла в Аргентине, чьи личные данные уже были на пути в Испанию в момент назначения на должность Деньё. Новый посол, который представит свои верительные грамоты королю в конце января 1976 г., был личным другом Жискара и до сих пор занимал должность Государственного секретаря по сельскому хозяйству, что делало его хорошим знатоком европейских тайн и, в частности, европейской аграрной политики. В его назначении большую роль сыграл тот факт, что Хуан Карлос и Деньё уже давно были знакомы. Последний рассказывал: «Получается так, что я уже немного был знаком с королем, когда он еще не был королем, когда он был моложе... точкой пересечения было, конечно, мореплавание, мы уже ходили в море вместе, на одном судне и с одним экипажем, а также друг против друга. Иногда формальности отходят на второй план...» [53]. Это случившееся ранее знакомство между Хуаном Карлосом и Деньё, помимо опыта государственной службы последнего, не раз побывавшего на должности министра и члена Правительства, и его осведомленности о тайнах Европейского сообщества, а также необычного характера Деньё, в силу которого тот действовал по своему усмотрению и без систематической консультации с Министерством иностранных дел, безусловно, повлияло на совместное решение, принятое Жискаром и королем Хуаном Карлосом, о назначении его полномочным послом в Испании. Приставив к Хуану Карлосу надежного человека, Жискара обеспечил себе привилегированный доступ к королю Испании.

Посол Деньё выразил свою благосклонность к ускорению реформ, несмотря на то что Соединенные Штаты рекомендовали соблюдать осторожность. В данном процессе он даже предложил взять за пример, хотя бы частично, форму перехода Франции от Четвертой к Пятой республике в 1958 г. во время тяжелого административного кризиса, вызванного войной с Алжиром: как впоследствии произойдет и в Испании, процесс во Франции, по мнению посла, прошел «от закона к закону». Деньё рассказывал следующее: «Король через Антонио Гарригеса попросил от меня очень подробного доклада о том, как Франция законно перешла от Четвертой к Пятой республике. Но было очевидным, что этого не нужно было говорить, потому что если и есть что-то, что приводит испанцев в ужас, так это то, чтобы французы давали им советы. Это для них невыносимо... Сказали бы: Антонио Гарригес работает с Деньё, чтобы посмотреть, как произошел во Франции переход от Четвертой к Пятой республике. Потому что, как бы удивительно это ни было, в тот момент, когда государственные органы сводят счеты с жизнью, как

⁵ Телеграмма от 27 янв. 1976: “Cánovas ou Caetano?” Архивы набережной Орсе, Париж, Министерство иностранных дел, раздел «Европа» 1944—..., подраздел «Испания». Т. 396.

случится с кортесами, сказали бы: король навязывает Испании французскую модель, и тогда народ вышел бы на улицы...» [53].

Однако весной 1976 г. репутация испанской монархии среди французского прогрессивного общественного мнения постепенно утрачивалась; забастовки, теракты, усиление репрессии и в особенности суд над военными Демократического военного союза (которых французская пресса сравнила с португальскими военными Революции гвоздик) были в центре внимания. Французской прессой завладел пессимизм. «Либерализация между двух огней» – один из заголовков Le Monde марта 1976 г.; в том же месяце еженедельник Le Point публикует репортаж, где подводит итог эволюции Испании с момента смерти Франко под заголовком «Болезненное рождение свободы». Le Nouvel Observateur высказывается еще более жестко и публикует в апреле статью «Холостой выстрел выхода к свободе» [12, с. 261]. Правительство во главе с Ариасом Наварро потеряло доверие большей части граждан. В конце того же марта задержание нескольких представителей левых сил, среди которых было несколько адвокатов, обвиняемых в принадлежности к Коммунистической партии Испании (КПИ), например Марселино Камачо, лидер рабочих комиссий, очень популярный в прогрессивных французских СМИ, вызвало скандал среди левых Франции.

Посол Денё, в свою очередь, посчитал губительным создание Демократической координации, т. е. слияния Демократической хунты, контролируемой Коммунистической партией Испании, и Платформы конвергенции во главе с Социалистической партией. Он определил это слияние как попытку воссоздания «Народного фронта» по тому образу и подобию, какие были ему присущи накануне Гражданской войны в Испании, начавшейся в 1936 г.; таким образом, оно было крайне неблагоприятным для демократической эволюции Испании, так как вело к политической поляризации и воспроизведению традиционных противостоящих группировок.

Постепенная утрата влияния Ариаса Наварро как главы правительства была очевидной, и деятельность Денё позволяет нам прояснить возрастающее несогласие между председателем и королем Хуаном Карлосом. Так, перед поездкой монарха в Андалусию в апреле 1976 г. король, вероятнее всего, в конфиденциальной форме сообщил Денё, что «сама идея этой поездки стала причиной столкновения между ним и председателем правительства Ариасом Наварро, настроенным против его перемещений по провинциям». Стоит помнить, что обращение короля на каталонском во время визита в Барселону было личной инициативой монарха, следующего советам своего отца, о которой он не стал предупреждать правительство. Во время приема в Севилье мэр воспользовался случаем, чтобы публично провозгласить короля «свободой для испанского народа», что наверняка не пришлось по душе Ариасу Наварро. В любом случае оптимизм как в дипломатии, так и в общественном мнении Франции будто бы возродился с отставкой Ариаса Наварро и назначением Адольфо Суареса председателем правительства в июле 1976 г., хотя пресса высказалась также о двойственности ситуации – симптом «заблокированной демократии», по выражению Рони [49, с. 167–168].

Отношения между Адольфо Суаресом и французским послом Денё и в более широком масштабе – между испанским и французским правительством не были ни простыми, ни легкими. Так же было и при следующем премьер-министре Франции Жаке Шираке, настроенном тогда против вступления Испании в Европейское сообщество. Жан-Франсуа Денё присутствовал при беседе, состоявшейся во время поездки, организованной самим королем Хуаном Карлосом с тем, чтобы Суареса услышали на международной арене после его назначения председателем правительства. Денё говорит следующее: «Я понимаю, что воспоминания об этой аудиенции у него не самые приятные. В течение сорока минут – минимального по этикету времени для того, чтобы аудиенцию не посчитали оскорблением, – ему пришлось выслушивать все причины, по которым Испания не вступит в Европу, одной из которых было уже предостаточно: Франция выступила бы против» [10, с. 371]. О чем посол не упомянул, так это о том, что сложными отношения Суареса (и Испании) были не только с Шираком, но и, особенно, с Жискаром, его наставником. Хоть последний и поддержал короля, но не переставал препятствовать вхождению Испании в Европейское сообщество и отказывался эффективно сотрудничать в борьбе против террористической группировки ЭТА. Не случайно следующий председатель правительства Леопольдо Кальво Сотело писал в своем «Живом воспоминании о Переходе»: «В двух важнейших проблемах для монархии – борьбе против терроризма и присоединении к Европе – Франция при президенте Жискаре перешла от предложения поддержки к высокомерному препятствованию и холодно давала приют террористам, оправдываясь тем, что Франция – это страна-убежище» [5, с. 154]. Французские власти в течение многих лет вели себя двойственно в отношении ЭТА, отказываясь даже изгнать участников организации, укрывающихся на территории Франции. Возможно, так на власти Франции влияло антифранкистское происхождение организации, хотя даже после амнистии 1977 г. оправдание не было возможным. Поддержка Испании извне возростала после свободных выборов 1977 г., принятия Конституции в 1978-м, победы социалистов в 1982-м и разделения государства на 17 автономных областей, что вызвало более или менее скрытые опасения среди французских центристов. В Испании была достигнута «демократическая закономерность» – необходимое требование для того, чтобы получить доступ к Европейскому сообществу, что и произошло в 1986 г. Хотя Франция и тогда не переставала препятствовать этому присоединению по экономическим причинам, считая Испанию опасным конкурентом в сельском хозяйстве, – власти Франции были обеспокоены возможной потерей большинства голосов земледельцев.

Воздействие Вилли Брандта и поддержка со стороны Федеративной Республики Германия

В мемуарах Гельмута Шмидта [56], немецкого канцлера, пришедшего на смену Вилли Брандту, которого скандал со шпионом Гийомом вынудил уйти в отставку, отмечается необходимость оказания поддержки Хуану Карлосу как агенту стабильности и безболезненного перехода к демократии

в Испании. В феврале 1976 г. немецкому правительству становилось все понятнее, что король не тормозил, а напротив, продвигал европеизацию Испании и, следовательно, попытки демократизации, но в то время на горизонте этого процесса было еще не совсем безоблачно. Шмидт описывал некий страх, охватывающий все министерства иностранных дел западных государств: страх того, что в Испании могло случиться то же, что и в соседней Португалии, т. е. революционный процесс, который снял бы Пиренейский полуостров с атлантической орбиты и склонил бы в советскую сферу. Несмотря на то что угроза «португализации» Испании была более воображаемой, чем реальной, она не в меньшей степени беспокоила политиков, особенно немецких и американских. По их мнению, Португалия сталкивалась с серьезными проблемами после Революции гвоздик, и то, что могло случиться в Испании и Югославии, когда рано или поздно исчезли бы Франко и Тито, было непредсказуемо. Однако действительно было важно любой ценой взять под контроль «экстремистские силы», особенно «Народный фронт», включая коммунистов. Это позволило бы стабилизировать ситуацию.

В мемуарах Ганса-Дитриха Геншера, неоднократно находившегося на посту министра, излагается следующий тревожный комментарий, который подводит итог его многочисленным беседам с президентом Ричардом Никсоном: «В то время в Вашингтоне были люди, которые считали, что если в Португалии к власти придут коммунисты, войска НАТО вступят с севера Португалии» [17, с. 371–372]. Данный комментарий обобщал встречу, проведенную в Бонне между Государственным секретарем США Киссинджером, министром иностранных дел Португалии Мелу Антунишем и самим Геншером. Было ли это способом укрепить южную границу Европы, что являлось приоритетным вопросом для Никсона? Геншер спешит отметить: «Я считал это авантюрой, далекой от реальности... было важнее укрепить демократические силы как партий, так и профсоюзов» [17, с. 372].

С начала декады 1970-х контроль Германии над испанскими событиями оказался очень интенсивным, т. е. недаром с 1950-х гг. между государствами активно налаживались связи, когда «как франкистская Испания, так и ФРГ были двумя случаями реабилитации в западном обществе» [59, с. 209–230; 52, с. 137–152]. В апреле 1970 г., при Брандте во главе министерства иностранных дел, доклад немецкого посольства гласил: «Испанская социалистическая рабочая партия должна считаться настоящим представителем социализма в Испании, тогда как группе Тьерно нельзя дать определение партии»⁶. Значительная часть информации, направляемой немецким посольством в Мадриде, показывает явный интерес к рассмотрению способов, которыми можно было достигнуть объединения различных организаций, назы-

⁶ Речь идет о Внутренней социалистической партии, впоследствии Народно-социалистической партии (НСП) во главе с Энрике Тьерно Гальваном, ставшим мэром Мадрида после муниципальных выборов 1979 г. Другими организациями, которые позиционировали себя как последователей Пабло Иглесиаса, основателя испанского социализма, были Социалистическое движение Каталонии с лидером Жоаном Ревентосом, Федерация социалистических партий во главе с Энрике Бароном и др.

вающих себя социалистическими и борющихся за признание международной социал-демократии. Отношения Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) с Фридрихом Эбертом Штифтунгом или с депутатами Социал-демократической партии Германии, такими как Ганс Маттхофер, которого часто называли *Abgeordnetevon Barcelona* (депутат Барселоны), прослеживаются уже с начала 1970-х, даже когда Дитер Конечки, председатель Фонда Эберта в течение многих лет, пока еще не обосновался в Мадриде до момента смерти Франко и не открыл офис в Испании в 1976 г.

Другой немецкий доклад от 1972 г. гласил: «В нынешних обстоятельствах активные политические группы связывают свои ожидания с уходом Франко. Как в кругах режима, так и в оппозиции принимается как должное тот факт, что переход произойдет при Хуане Карлосе»⁷. В заключение шел достаточно изящный анализ с указанием, что будущий король Хуан Карлос сначала будет опираться на силы режима и не предпримет никакой важной реформы. Затем он должен быть готовым, дабы удержаться у власти, к *ослаблению* политических структур. «Перспективы того, что впоследствии период демократических реформ будет продолжаться, начавшись с фазы перехода, не так малы». Несмотря на некоторые штампы, прогноз, которого придерживались в Министерстве иностранных дел Германии относительно политического будущего Испании сразу после смерти диктатора, был в общих чертах достаточно точным.

Отношения между франкистским режимом и правительством ФРГ оставались напряженными с 1970 по 1976 г. Причиной было задержание членов ИСРП и Генерального союза трудящихся (ГСТ), а также возможность того, что немецкие политики могли встречаться с демократической оппозицией, воспользовавшись своими официальными визитами в Испанию. В целом Маттхёфер и мощный профсоюз IGmetal поддержали ИСРП и ГСТ, и у них были серьезные намерения для сотрудничества с Тьерно Гальваном. А в 1972 г. федеральный канцлер Брандт четко высказался против вступления Испании в Европейское экономическое сообщество без выполнения предыдущих требований свободных выборов, с легальными партиями и профсоюзами. Эта позиция отвергала требование Лопеса Браво, на тот момент министра иностранных дел Испании, принимать в Европу различные политические системы, т. е. его «испанский способ установления современных норм» [53]. Однако Германия еще не раз склонялась к применению в политике принципа «и волки сыты, и овцы целы» – пока на официальном уровне сохранялись товарищеские отношения в поддержку идеи экономических, туристических и политических интересов ФРГ в Испании. С другой стороны, через Социал-демократическую партию Германии и Объединение немецких профсоюзов, поддерживалось более сдержанное или по крайней мере осмотнительное отношение как к ИСРП, так и к братскому социалистическому профсоюзу.

⁷ Politisches Archiv des Auswärtiges Amtes (PA), «Стремления Испании к Европе», Länderreferat Spanien. B.26. 450. Доклад посольства в Мадриде, 1 февраля 1972 г.

Еще одним значительным решением тех лет стала открытая поддержка Испанской социалистической рабочей партии (обновленной после съезда партии в Сюрене) вместо «исторического» направления во главе с лидером эмигрантского правительства Родольфо Льописом [18; 27; 50]. Эта поддержка усиливалась и прокладывала путь через Фонд Эберта, немецкий социалистический синдикализм и самого Брандта. Таким образом, ИСПП теперь уже под управлением Фелипе Гонсалеса – впоследствии известного как *сын Вилли* – превратится в единственного признанного собеседника для немецкой социал-демократии и тем самым для Социалистического интернационала, в кругу которого Социал-демократическая партия Германии играла решающую роль. Как следствие, заручившись твердой внешней поддержкой, Гонсалес выиграет фундаментальный кон на будущее и станет одним из главных действующих лиц в процессе демократизации. Историк Чарльз Пауэлл также предположил: «Идеологическая и стратегическая эволюция самого Гонсалеса произошла в ритме, отличном от ритма других лидеров и членов социалистической партии ввиду его более тесного контакта с зарубежьем» [45, с. 60].

Как уже было сказано, эта решительная политика поддержки испанскому социализму продвигалась в наибольшей степени председателем Социал-демократической партии Германии и канцлером Брандтом. Он был вынужден уйти в отставку с поста федерального канцлера в 1974 г., когда выяснилось, что один из его ближайших помощников, Гюнтер Гийом, был разведчиком Министерства Государственной безопасности Германской Демократической Республики. Его сменил Гельмут Шмидт, переизбранный затем на всеобщих выборах 1976 г. и занимавший пост федерального канцлера в течение решающих месяцев финала диктатуры в Испании. Тем не менее Брандт продолжал занимать пост председателя Социал-демократической партии Германии и с этого привилегированного наблюдательного пункта еще больше помогал своим испанским товарищам, без привязки к посту канцлера. Напомним, что Брандт, будучи министром иностранных дел в правительстве «большой коалиции» под управлением демохристианина Курта Георга Кизингера, отказался нанести визит в Испанию в 1968 г. в знак протеста против диктатуры, что не помешало этому самому правительству присудить в феврале 1969-го орден Гражданских заслуг Фрага Ирибарне, испанскому министру информации и туризма. Это событие совпало с чрезвычайным положением в Испании. Доктор Дарендорф, в то время помощник государственного секретаря Министерства иностранных дел, заявил в том же году, что отсутствовали убедительные доказательства того, что в Испании пытали диссидентов. В Брандте периодически проявлялась его сентиментальная сторона в отношении Испании: «В глубине души он чувствовал стыд за действия европейских правительств во время Гражданской войны в Испании» [22, с. 148].

Выдающиеся лидеры «обновленной» ИСПП посетили Федеративную Республику Германия: в 1975 г., во время одного из этих визитов, Брандт пообещал Фелипе Гонсалесу и Николасу Редондо, «что у них не будет не-

достатка политической и финансовой поддержки (...) после того, как они рассказали ему, что ГДР активно оказывала финансовую помощь коммунистам Сантьяго Каррильо и что в политической борьбе между коммунистами и социалистами после смерти Франко последние могли одержать победу, только уравнивая средства с Коммунистической партией Испании» [36, с. 271–273]. Новые лидеры как Социалистической партии Испании, так и Германской демократической партии (ГДП) осознали, что Коммунистическая партия Испании была более сильной и лучше организованной ввиду продолжительной борьбы против диктатуры по сравнению с ИСРП, которая в долгий период Льюиса занимала выжидательную позицию, близкую к бездеятельности. А немецкие социалисты, в отличие от своих французских или португальских единомышленников, абсолютно не являлись сторонниками сближения с коммунистами.

Брандт также четко видел необходимость в поддержке и укреплении параллельной профсоюзной организации – Всеобщего союза трудящихся, для чего было актуально провести обновление, инициируемое молодыми социалистами, и объединить различные социалистические течения вокруг единственной партии, направляя экономическую помощь в это русло. Неудивительно, что в апреле 1975 г. доклад немецкого посольства под выразительным заголовком «Переливание крови для перемен» относится к поддержке, которую ГДП оказывала ИСРП, и содействию, которое было не только финансовым, но и организационным. Согласно докладу, целью этих «переливаний»⁸ была лучшая подготовка ИСРП по сравнению с КПИ ко «дню икс постфранкистской эпохи» в поисках траекторий, отличных от португальской ситуации – печального опыта, который так пугал министерства иностранных дел западных государств.

Кончина Франко близилась, агония продолжалась, и 3 ноября 1975 г. Брандт заявил СМИ: «Было бы наивно полагать, что со смертью этого человека все автоматически изменится. Все еще существует опасность, что последователи режима останутся у власти и попытаются продолжить политику Франко и в его отсутствие. Если ИСРП и другие политические партии могут работать легально и в нормальном режиме, будет возможным активизировать существующие отношения. ГДП поддерживает политические устремления данной партии (ИСРП), которая борется за построение демократии и создание справедливого общественного устройства в Испании»⁹. Председатель ГДП не знал, насколько был прав: после смерти диктатора до того момента, как «ИСРП и другие партии» стали легальными и смогли работать в нормальном режиме, прошло восемнадцать месяцев, в течение которых предпринимались серьезные попытки препятствовать возвращению демократии в Испанию.

⁸ Бернекер (2010) подчеркивает, что Всеобщий союз трудящихся с 1976 по 1977 г. должен был получить «порядка 400 миллионов песет от организации «Объединение немецких профсоюзов» и других профсоюзов Германии», с. 186.

⁹ Archiv der Sozialen Demokratie (AdsD) .W.B archiv, A. 3.11.75, Interview-Manuskript.

В конечном итоге на похороны диктатора приехали лишь генерал Пиночет и вице-президент США, тогда как на коронации Хуана Карлоса присутствовали представители власти Франции, президент Жискара д'Эстен, и ФРГ, Вальтер Шеель. На сей раз немцы не посчитались со своими друзьями из ИСРП, так как, помимо прочих соображений, не желали, чтобы французы монополизировали покровительство над новым королем и грядущими переменами, какими бы неопределенными они ни были.

Несколько месяцев спустя, в феврале 1976 г., канцлер Гельмут Шмидт открыто заявил, что не был готов к сотрудничеству с коммунизмом «никакой ценой». Испанское ежедневное издательство *ABC*, монархическое и глубоко антикоммунистическое, воспользовалось положением и настояло на том, что мнение канцлера соответствовало действительности в Испании: «Доказано, что коммунисты не являются демократами ввиду того, что, только придя к власти, они не настроены ни потерять ее, ни допустить другие выборы»¹⁰. Таким образом, было неудивительно, что от Германии Фелипе Гонсалесу шли советы отдалиться от КПИ. Даже Министерство иностранных дел Германии, говоря о Демократической хунте, подозревало, что КПИ попытается, как в 1930-х гг., воспользоваться политически «разномастной» коалицией как собственной базой власти. И действительно, спустя несколько дней после заявления канцлера, Фелипе Гонсалес на встрече с Марио Сораресом высказался против коалиции с коммунистами. Что, однако, не помешало тому, чтобы ИСРП и КПИ стали частью так называемой *Платахунты*, которая была не собственно коалицией партий, преследующей выборные или правительственные цели, а координатором демократических сил для усиления борьбы за свободы и, прежде всего, для ведения переговоров об условиях перехода с реформистскими секторами франкистского режима.

В свою очередь, немецкие консервативные партии также не стояли на месте: в течение 1970-х представители Фонда имени Конрада Аденауэра в Мадриде отправляли периодические доклады в главные инстанции Христианско-демократического союза Германии (ХДС). Эти документы попадали на стол таких руководителей, как Гельмут Коль, Геслер, Кип, фон Хассель или Бруно Хек, – последних лиц, ответственных за принятие решений о том, кого и каким образом поддерживать в Испании. На тот момент ХДС был в оппозиции в ФРГ, однако занимал значимые позиции в европейских демократических организациях. Так, начиная с 1973 г. лидеры ХДС были обеспечены финансированием партий, связанных с христианской демократией в Португалии и Испании. В частности, цель ХДС заключалась в оказании поддержки испанским партиям христианской направленности, несмотря на их сильную разрозненность. Сам ХДС различает «три национальных течения: течения Хоакина Руиса Хименеса, Фернандо Альвареса де Миранда и Хосе Марии Хиль Роблеса, помимо двух региональных организаций: Баскской националистической партии и Каталонского движения (sic)»¹¹. И тут

¹⁰ *ABC*, Изд. «Никакой ценой», 5 февр. 1976.

¹¹ Фонд Конрада Аденауэра (Архив Христианско-Демократического союза Германии) ACDP, Доклад о ситуации в Испании, с особым вниманием на христианскую демократию... (с. 8).

же в докладе добавляется: «Сотрудничество между ними не действует должным образом, и это больше похоже на дружеский диалог, чем на организованное изучение, планирование и ориентирование и договорную политическую деятельность». Пожалуй, невозможно было более тактично и кратко описать положение демохристианских оппозиционных групп в предсмертных хрипах диктатуры.

Если социалисты пытались покончить с многопартийностью и осуществлять финансирование единственной существующей партии (ИСПП), в случае с ХДС ими было решено поддержать другие партии – своего рода разновидности христианской демократии, которые обращались к Германии за помощью. Действительно, в марте 1976 г. у ХДС имелись связи как минимум с пятью демохристианскими партиями в Испании, несмотря на то, что более консервативные организации, как Народный альянс, были более тесно связаны с Христианско-социальным союзом (ХСС), состоящим из баварских католиков юга Германии во главе с Францем Йозефом Штраусом. То же самое произошло со сторонниками франкистского экс-министра Сильва Муньоса, финансируемыми ХСС через Фонд Ханнса Зайделя¹². Он также помогал правому журналу *Razón Española*, поддерживающему испанский консерватизм, одновременно вводя что-то новое, хотя той же консервативной направленности: критический рационализм Карла Поппера, труды Хайека в области социальных наук и экономики, этология Конрада Лоренца, «паблик чойс» Бьюкенена, социология Уилсона, антропология Арнольда Гелена или теории Майкла Новака о капитализме [20, с. 465]. В документации Фонда Конрада Аденауэра также указывается, что британские консервативные организации финансировали «немаловажным образом» Народный альянс Фраги. Действительно, по мере приближения выборов июня 1977 г. немецкие христианские демократы понимали, что не могут сыграть все свои карты в своих испанских аналогах, и были заинтересованы в превращении Союза демократического центра (СДЦ) в «полностью христианско-демократическую партию».

В конце 1976 г. конкуренция между баварскими католиками и ХДС из-за воздействия на консервативные и христианско-демократические партии Испании действительно существовала. В официальной переписке отмечается, как Франц Йозеф Штраус не ограничивался лишь Народным союзом, но и пытался установить отношения с более консервативным крылом СДЦ. Оба фонда, Конрада Аденауэра и Ханнса Зайделя, «соперничают на одном и том же политическом рынке Испании, и я считаю необходимым установить базовые нормы, которые поддерживались бы минимальным согласием в определении групп, которые мы заинтересованы поддержать», – говорилось в письме (1977 г.) Манфреда Убера, представителя фонда Аденауэра в Мадриде, доктору Крафту, директору немецкого Institut für Internationale Solidarität. В итоге были предприняты попытки установить «глубокое и

¹² Архив Христианско-Демократического союза Германии ACDP., Nachlass Kai-Uwevon Hasel, Bericht zur Lage Spanien. Март 1976, I-157(158/1).

краткосрочное» сотрудничество с Союзом демократического центра. Действительно, испанские политики Хавьер Руперес и Сальвадор Санчес Теран нанесли с этой целью несколько визитов в Германию; первый из них был настоящим «арканом» для союза между ХДС и СДЦ. Руперес обещал немцам хорошие перспективы голоса СДЦ как на всеобщих, так и на муниципальных выборах, и передал, что Адольфо Суарес поручил ему координировать поддержку от немецкого ХДС. В своих интервью Руперес затрагивал такие вопросы, как устранение финансовых проблем, обусловленных предвыборной кампанией, или «изучение финансовой организации ХДС»¹³. В этом же докладе указывается: «Положение социалистов неплохое ввиду мощной финансовой поддержки из-за рубежа – более 10 миллионов марок от ФРГ, помимо денег от США». Сложно выяснить, была эта информация достоверной или же преувеличенной с целью получения поддержки в других направлениях. Но что кажется точным, так это то, что немецкие партии активно помогали своим испанским аналогам, четко осознавая, что именно ставилось на карту на Пиренейском полуострове.

В апреле 1977 г., за два месяца до выборов, у ХДС было любопытное видение левых сил Испании. Они считали КПИ «более организованной партией», а ИСРП «более финансируемой». С беспокойством обсуждался тот факт, что ИСРП организовывалась за счет своих международных связей, в которых немецкие социал-демократы «играли важную роль». В случае, если КПИ не была бы легализована (а она была легализована три дня спустя после этого доклада), предполагалось, что ее голоса пойдут в пользу ИСРП и смогут достичь «согласно переговорам, которые мы провели с действующим министром (sic) Осорио, 30 %». В апреле того же года в руки Гельмута Коля и фон Хасселя попал доклад профессора Дитера Оберндёрфера о легализации КПИ; он завершался интересным замечанием: «Социалистическая партия в Испании опаснее коммунистической из-за своего антиамериканского настроения, отказа участвовать в Западной Европе и большой поддержке полученной от социал-демократов севера Европы»¹⁴. Если под опасностью подразумевались большие выборные возможности, профессор был прав, а что касается «отказа участвовать в Западной Европе», речь, должно быть, шла о НАТО, так как в противном случае это не имело бы смысла. Накануне всеобщих выборов 20 мая 1977 г. Гельмут Коль расскажет ежедневному изданию *Pueblo*, что едет в Мадрид с целью сохранения контактов «со своими испанскими друзьями и поддержания предвыборной кампании центристских секторов».¹⁵ Правые Германии также делали красочные и дестабилизирующие заявления. К примеру, эрцгерцог Отто фон Габсбург в Бильбао зая-

¹³ Архив Христианско-Демократического союза Германии ACDPNachlassKai-UwevonHassel. Доклад, направленный Хеннингом Вегенером Колю, Гисслеру, Кипу и фон Хасселю. 16-2-77. I-157 (158/1).

¹⁴ Архив Христианско-Демократического союза Германии ACDPNachlassKai-UwevonHassel. Письмо профессора Дитера Обрен Дёрфера фон Хасселю и Х. Колю. 6 апреля 1977, I-157 (158/3).

¹⁵ Показания Х. Коля в *Pueblo* 20-V-77.

вил в те же даты: «Испания – цель, которую так желает советское колониальное стремление. Она претендует на владение проливом, как претендовала (и почти добилась) на владение мысом Доброй Надежды. Испания – страна Западной Европы, в которой больше всего агентов КГБ»¹⁶.

Во время короткого зимнего отпуска 1977 г. на Майорке Гельмут Шмидт провел ряд неформальных встреч с Фелипе Гонсалесом, Суаресом и королем. По словам канцлера, для них правительство Германии играло важную роль во вступлении Испании в Европейское экономическое сообщество. «Что касается Фелипе Гонсалеса и его партии, мы решили оказать им экономическую и консультационную поддержку через Дитера Конечки (Фонд Эберта). Тем же способом руководство Объединения немецких профсоюзов помогало Всеобщему союзу трудящихся». Суарес, в свою очередь, рассказывает ему следующее: «Армия полна старых генералов, неспособных понять новые времена, но, с другой стороны, они верны Королю... Самым сложным этапом была легализация КПИ. Большое отторжение этого шанса наблюдалось не только в армии, но и среди народа... На тот момент легализация КПИ была невозможной... требовалось время». Канцлер отвечал Суаресу: «Я Вас понимаю, но данный вопрос не может ждать больше, так как пока КПИ не будет легализована, никто не узнает ее настоящей силы на выборах». Согласно Суаресу, по опросам у коммунистов было 8 % предварительных голосов и лишь от 20 до 25 % было в пользу легализации. Гельмут Шмидт также предлагает ему разрешить легализацию профсоюзов, так как «в противном случае коммунистические профсоюзы захватили бы профсоюзное движение» [56, с. 544]. Интересно, что во время рождественских праздников 1976 г. Суарес не решался легализовать КПИ, а как раз наоборот, что соответствует высказыванию Осорио: в своих мемуарах он пишет, что Суарес задумывается о легализации КПИ после большой демонстрации из-за расстрела левых юристов профобъединения «Рабочие комиссии» на улице Аточа в конце января 1977 г. Канцлер Германии, имеющий точное представление по многочисленным темам, явно ошибается, составив поспешное суждение о поведении профсоюза «Рабочие комиссии», по его мнению, коммунистического, так как именно он наиболее энергично поддерживал пакты Монклоа, позволившие предпринять «необходимые и разумные» экономические меры. Суарес, с другой стороны, передает ему: «Правые экстремисты контролируют крупные секторы экономики, имеют значительное влияние в этой области и верят в продолжение экономического кризиса, который может спровоцировать переворот со стороны военных. Этим они бы помешали вступлению Испании в ЕЭС и НАТО. Но в любом случае, как заверил меня Суарес, в движении к демократизации нет пути назад». Возможно, это первый случай появления свидетельства, где отражена угроза, которую «экономические правые центристы» представляли в мышлении Суареса. Мало изученная угроза, которая в последующие годы привела к

¹⁶ Общий Административный Архив, Испания, Алькала-де-Энарес, Информационный бюллетень. VII. 98. 15-05-77.

попыткам регресса, включая попытку государственного переворота 23 февраля 1981 г.

Прочные испано-германские связи в 1977 г. были подтверждены принятием пяти пленных басков в Германии в преддверии выборов 15 июня 1977 г. Если требовалась более долгая предвыборная кампания, держать в заключении политических преступников выходило вредным, даже если они были осуждены за убийства и теракты. Но правительство Суареса, с Марелино Ореха на должности министра иностранных дел, пока не считало данную ситуацию подходящей для амнистии, которая была принята в итоге в октябре 1977 г. Итак, Германия была избрана для временного помещения этих связанных с группировкой ЭТА заключенных и пунктом назначения первого иностранного визита первого министра иностранных дел уже в демократическом режиме Хосе Марии де Арейльса. Несколько месяцев спустя, уже в 1978 г., генерал Гутьеррес Мельядо обратился к немецким властям с просьбой потребовать от Франции большей самоотдачи в вопросе анти-террористической деятельности, что, несомненно, являет собой очередное доказательство подвижности дипломатических отношений между Испанией и Германией. Эти отношения, кроме того, сохранились во времени настолько, что в 1989 г. Испания стала одной из первых стран, без колебаний поддержавших немецкое объединение. Но это уже совсем другая история.

Перевод П. В. Жуковой

Продолжение в следующем номере.

Список литературы

1. *Acuña Ramón L.* Como los dientes de una sierra (Francia-España de 1975 a 1985) / Luis Acuña Ramón. – Barcelona : Plaza&Janés, 1986. – 320 p.
2. *Azcárate M.* La percepción española de Estados Unidos // *Leviatán*. – 1988. – N 33. – P. 5–18.
3. *Bailby É. L.* 'Espagne vers la démocratie / Édouard Bailby. – Paris : Gallimard, 1976. – 224 p.
4. *Balfour S.* España y las grandes potencias del siglo XX / Sebastián Balfour, Paul Preston. – Barcelona, Crítica, 2002. – 266 p.
5. *Bouchanan T.* Britain and the Spanish Civil War / Tom Bouchanan. – N. Y. : Cambridge University Press, 1997. – 241 p.
6. *Calvo-Sotelo L.* Memoria viva de la Transición / Leopoldo Calvo-Sotelo. – Barcelona : Plaza&Janés, 1990. – 288 p.
7. La politique extérieure de Valéry Giscard d'Estaing / Cohen Samy, Smouts Marie Claude (dirs.). – Paris : Presses de la Fondation Nationale de Sciences Politiques, 1985. – 436 p.
8. *Chaput M.-C.* Nuevas imágenes y permanencia de los estereotipos sobre España en la prensa francesa (1975–1978) / Marie-Claude Chaput // *Claves internacionales de la Transición española* / eds.: O. Martín y M. Ortiz Heras. – Madrid, Catarata, 2010. – P. 198–221.
9. *Crespo MacLennan J.* España en Europa, 1945–2000 / Julio Crespo MacLennan. – Madrid : Marcial Pons, 2004. – 392 p.

10. *Delgado L.* ¿El amigo americano? España y Estados Unidos durante el franquismo / Lorenzo Delgado // *Studia Histórica* / Universidad de Salamanca. – 2003. – Vol. 21. – P. 231–276.
11. *Deniau Jean F.* Mémoires de 7 vies. Croire et oser / François Jean Deniau. – Paris : Plon, 1997. – 487 p.
12. *Destremau B.* Quai d'Orsay: derrière la façade / Bernard Destremau. – Paris : Plon, 1994. – 458 p.
13. *Duhamel A.* La République giscardienne / Alain Duhamel. – Paris : Grasset et Fasquelle, 1980. – 249 p.
14. *Dulphy A.* Le regard français sur la Transition espagnole (presse nationale, périodiques, ouvrages publiés) / Anne Dulphy, Ives Léonard (dirs.) // *De la dictature à la démocratie: voies ibériques.* – Bruxelles : Peter Lang, 2003. – 292 p.
15. *Fourastié J.* Les Trente Glorieuses / Jean Fourastié. – Paris : Fayard, 1979. – 290 p.
16. *Garcés Joan E.* Soberanos e intervenidos. Estrategias globales, americanos y españoles / Joan E. Garcés. – Madrid : Siglo XXI, 1996. – 624 p.
17. *García Ruiz* Estados Unidos y la transformación general de las empresas españolas / García Ruiz, Juan // *Cuadernos de Historia Contemporánea.* – 2003. – Vol. 25. – P. 131–153.
18. *Genscher Hans D.* Erinnerungen / Hans Dietrich Genscher. – Munich : Siedler Verlag, 1995. – 1086 p.
19. *Gillespie R.* Historia del PSOE / Richard Gillespie. – Madrid : Alianza, 1991. – 536 p.
20. *Giscard D'Estaing V.* Le pouvoir et la vie. Vol. 1: La rencontre / Valéry Giscard D'Estaing. – Paris : Compagnie, 1988. – 401 p.
21. *González Cuevas P.* Historia de las derechas españolas / Cuevas Pedro González. – Madrid : Biblioteca Nueva, 2000. – 528 p.
22. *El franquismo y la transición en España. Desmitificación y reconstrucción de la memoria de una época* / coord. Damián Alberto González Madrid. – Madrid : Libros de la Catarata, 2008. – 280 p.
23. *Guerra A.* Cuando el tiempo nos alcanza / Alfonso Guerra. – Madrid : Espasa, 2004. – 376 p.
24. *Huguet M.* España y el Mediterráneo en los años setenta / Montserrat Huguet // *Historia del Tiempo Presente.* – 2005. – N 6. – P. 109–136.
25. *Huntington Samuel P.* La tercera ola. La democratización a finales del siglo XX / Samuel P. Huntington. – Barcelona : Paidós, 1994. – 336 p.
26. *Jarque Iñiguez A.* ¡Queremos esas bases! El acercamiento de Estados Unidos a la España de Franco / Iñiguez Arturo Jarque. – Madrid : Universidad de Alcalá de Henares, 1998. – 312 p.
27. *Judt T.* Postwar. A History of Europe since 1945 / Tony Judt. – London : Penguin Books, 2005. – 960 p.
28. *Juliá S.* Los socialistas en la política española, 1879–1982 / Santos Juliá. – Madrid : Taurus, 1997. – 652 p.
29. *Labarta C.* Las relaciones hispano-británicas bajo el franquismo, 1950–1973 / Carolina Labarta // *Studia Histórica.* – 2004. – N 22. – P. 85–104.
30. *Lemus E.* Las posiciones francesas ante la desaparición de Franco y el establecimiento de la Monarquía / Encarnación Lemus // *Historia del Presente.* – 2005. – N 6. – P. 61–84.
31. *Lemus E.* Entre la intervención y la supervisión. Las potencias occidentales ante el cambio político peninsular / Lemus Encarnación ; en R. Quirosa (ccord.) // *Historia de*

la transición en España. Los inicios del proceso democratizador. – Madrid : Biblioteca Nueva, 2007. – P. 369–380.

32. *Marquina Barrio A.* España en la política de seguridad occidental, 1939–1986 / Barrio Antonio Marquina. – Madrid : Ediciones Ejército, 1986. – 1024 p.

33. Claves internacionales en la Transición española / Martín García Óscar José y Manuel Ortiz Heras (coords).. – Madrid : Catarata, 2010. – 328 p.

34. *Maus D.* Les années Giscard. Institutions et pratiques politiques, 1974–1978 / Didier Maus. – Paris : Fayard, 2003. – 286 p.

35. *Morris D. S.* Britain, Spain and Gibraltar, 1945–1990. The Eternal Triangle / D. S. Morris, R. H. Haigh. – N. Y. : Routledge, 1992. – 196 p.

36. *Muñoz J.* La internacionalización del capital en España, 1959–1977 / J. Muñoz, S. Roldán, A. Serrano. – Madrid : Cuadernos para el Diálogo, 1978. – 462 p.

37. *Muñoz Sánchez A.* La Fundación Ebert y el socialismo español de la dictadura a la democracia / Sánchez Antonio Muñoz // Cuadernos de Historia Contemporánea. – 2007. – N 29. – P. 264–270.

38. *Muñoz Sánchez A.* El amigo alemán. El SPD y el PSOE de la dictadura a la democracia / Sánchez Antonio Muñoz. – Madrid : RBA, 2012. – 512 p.

39. *Nicolás E.* La transición a la democracia en España: similitudes y diferencias con otros contextos nacionales / Encarna Nicolás, González Carmen // Mundos de ayer, Murcia, Editum Miradas. – 2009. – P. 419–450.

40. *Niño A.* 50 años de relaciones entre España y Estados Unidos / Antonio Niño // Cuadernos de Historia Contemporánea. – 2003. – Vol. 25. – P. 9–33.

41. *Ortuño P.* Los socialistas europeos y la transición española / Pilar Ortuño. – Madrid : Marcial Pons, 2005. – 288 p.

42. *Pardo R.* La etapa Castiella y el final del Régimen, 1957–1975 / Rosa Pardo ; en J. Tusell, J. Avilés y R. Pardo (eds.) // La política exterior de España en el siglo XX. – Madrid : Biblioteca Nueva, 2000. – P. 341–371.

43. *Pardo R.* La política norteamericana / Rosa Pardo // Ayer. – 2003. – Vol. 49. – P. 13–53.

44. *Pereira Juan C.* Transición y política exterior: el nuevo reto de la historiografía española / Juan Carlos Pereira // Ayer. – 2001. – N 42. – P. 97–123.

45. *Pereira Juan C.* El factor internacional en la transición española: la influencia del contexto internacional y el papel de las potencias centrales / Juan Carlos Pereira // Studia Histórica. – 2004. – N 22. – P. 185–224.

46. *Powell Charles.* La dimensión exterior de la Transición española / Charles Powell // Afers Internacionals. – 1993. – N 26. – 29 p.

47. Del autoritarismo a la democracia. Estudios de política exterior española / eds. Charles Powell, Carlos Jiménez Juan. – Madrid : Sílex, 2007. – 232 p.

48. *Pridham G.* (ed.). Encouraging Democracy: The International Context of Regimen Transition in Southern Europe / Geoffrey Pridham. – Leicester : Leicester University Press, 1991. – 249 p.

49. *Puig N.* La ayuda económica norteamericana y los empresarios españoles / Nuria Puig // Cuadernos de Historia Contemporánea. – 2003. – Vol. 25. – P. 109–129.

50. *Rony J.* La lente rupture. L'Espagne du franquisme à la démocratie / Jean Rony. – Paris : Éditions Sociales, 1977. – 216 p.

51. *Sánchez Cervelló J.* La revolución portuguesa y su influencia en la transición española / Cervelló Josep Sánchez. – Madrid : Nerea, 1995. – 377 p.

52. *Sanz Díaz C.* La ayuda al desarrollo de la RFA a España, 1956–1970 / Díaz Carlos Sanz // Historia Contemporánea. – 1998. – Vol. 30. Universidad del País Vasco. – P. 179–205.

53. *Sanz Díaz C.* España y la cuestión alemana bajo el franquismo, 1945–1973. Entre la doctrina Hallstein y el comienzo de la Ostpolitik / Díaz Carlos Sanz // Revista Iberoamericana. – 2007. – N 7. – P. 137–152.

54. *Sartorius N.* El final de la dictadura. La conquista de la democracia en España, 1975–1977 / Nicolás Sartorius, Alberto Sabio. – Madrid : Temas de Hoy, 2007. – 863 p.

55. *Sepúlveda I.* Gibraltar: la razón y la fuerza / Isidro Sepúlveda. – Madrid : Alianza, 2004. – 390 p.

56. *Schmidt H.* Menschen und Mächte / Helmut Schmidt. – Munich : Goldmann, 1991. – 475 p.

57. *Schmidt H.* Weggefährten: Erinnerungen und Reflexionen / Helmut Schmidt. – Berlin : Siedler, 1996. – 575 p.

58. *Tusell J.* Tiempo de incertidumbre. Carlos Arias Navarro entre el franquismo y la Transición (1973–1976) / Javier Tusell, Genoveva Queipo de Llano. – Barcelona : Crítica, 2003. – 408 p.

59. *Viñas Á.* En las garras del águila. Los pactos con Estados Unidos, de Francisco Franco a Felipe González, 1945–1995 / Ángel Viñas. – Barcelona : Crítica, 2003. – 619 p.

60. *Weber Petra M.* Política española hacia Alemania, 1945–1958: el impacto político y económico de las relaciones hispano-alemanas / Petra Maria Weber ; Walther Bernecker (ed.) // España y Alemania en la Edad Contemporánea. – Frankfurt am Main, 1992. – P. 209–230.

61. *Whitehead L.* Aspectos internacionales de la democratización / Laurence Whitehead ; G. O'Donnell, Ph. C. Schmitter y L. Whitehead (comps.) // Transiciones desde un gobierno autoritario. Perspectivas comparadas. – Buenos Aires : Paidós, 1988. – P. 14–68.

62. *Zaldívar Carlos A.* Miradas torcidas. Percepciones mutuas entre España y Estados Unidos, Documento de Trabajo 4/9/2003 del Real Instituto Elcano, 2003. – 47 p.

The Political Transition to Democracy in Spain and the Role of the Western European Countries: France, the Federal Republic of Germany and Great Britain (1970–1978)

Alberto Sabio Alcutén

Zaragoza University, Spain

Abstract. This article analyzes the international dimension of the Spanish transition to democracy. Were the European powers – France, the Federal Republic of Germany and Great Britain – simple witnesses to the events in Spain or did they actively participate, and, if so, how? From consultation of archives from the various countries, it is now known that the governments and political parties of these countries were more closely involved than was previously thought. The Portuguese revolution in April 1974 raised the alarm and the Western chancelleries tried to prevent the same thing happening in Spain. They opted for the monarchical solution and for a “controlled” process to democracy, using the much-desired entry into the European Community to exert pressure. The need to feel “European” and “standardized” surfaced, especially in progressive circles, although not only there. Outside Europe there were more difficulties to do business and the most advanced sectors of the Spanish business world started to become aware of this.

Keywords: transition to democracy, Spain, foreign policy, France, Britain, Federal Republic of Germany.

Альберто Сабьо Алькутен

*кандидат исторических наук, доцент,
преподаватель новейшей истории
Университет Сарагосы
50009, Испания, г. Сарагоса, ул. Педро
Сербуна, 12, Университетский корпус
Сан-Франциско
тел.: (34) 976-761-000, внутр. 2139
e-mail: asabio@unizar.es*

Alberto Sabio Alcutén

*PhD in History, Associate Professor,
Lecturer of Contemporary History at
Zaragoza University
St. Francis campus building, 12, Pedro
Serbún st., Zaragoza, 50009, Spain
tel.: (34) 976-761-000, extension 2139
e-mail: asabio@unizar.es*